

МОЙ ГОРНОЛЬЖНИК

— БЕЛЫЙ ПИК —

Милана Седина
Юнона Стангард

Юнона Стангард

Мой горнолыжник. Белый пик

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой горнолыжник. Белый пик / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я испытывала лыжи собственной разработки, когда склон «Белого пика» обрушился на меня лавиной. Денис Беркутов, горнолыжник и мастер ски-кросса, вырвал меня из снежного потока и закрыл собой от удара. Теперь его плечо травмировано, а директор курорта пытается выставить виноватой меня и забрать приборы с доказательствами. Только Денис не привык отдавать ни победу, ни тех, кого защищает. Он выйдет на старт на моих лыжах — вопреки угрозам и чужим контрактам. Нам предстоит отстоять правду и выдержать гонку, где ошибка может стоить жизни. Рядом с ним я впервые позволяю себе хотеть большего, чем работу. Но как доверить сердце мужчине, который каждый раз уходит на край пропасти?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой горнолыжник. Белый пик

Мой горнолыжник. Белый пик
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Мороз на отметке три тысячи двести метров впивался в кожу сквозь подшлемник сотнями раскаленных игл. Ветер со стороны ущелья Терскол налетал рваными шквалами со скоростью четырнадцать метров в секунду, вздымая с наста колючую ледяную пыль. Я заглушила двухтактный двигатель служебного «Бурана». Металл глушителя сухо защелкал на морозе, и вокруг сомкнулась звенящая тишина ледника, нарушаемая лишь глухим гулом воздушных потоков в скальных гребнях.

Минус девятнадцать. Солнце едва поднялось над восточной грядой, окрасив вершины Эльбруса в тревожный медный оттенок.

Коммерческий директор курорта Греков утром лично отказал мне в сопровождении ратрака: *«Северова, этап Кубка России на носу, туристы на первой очереди давятся, а вы требуете тяжелую технику для своих датчиков? Берите снегоход и крутитесь сами. Гора чистая, служба безопасности дала добро»*.

Я знала цену его «добру». Но полевой замер динамических нагрузок перед финалами был делом моей жизни. В жестком кейсе за моей спиной лежали опытные лыжи «Север-1» — прототип, в который я вложила три года расчетов, бессонных ночей в лаборатории и веру в то, что отечественный композит превзойдет хваленый австрийский цех.

Сдернув толстые краги, я осталась в тонких ветрозащитных перчатках. Пальцы тут же заломило от ледяного воздуха. Первым делом требовалось установить базовую геодезическую вешку с приемопередатчиком на перегибе кулуара «Северный цирк». Достав из инструментального кофра дюралевый ледобур, я уперла его в наст.

Ветер сдул верхний мягкий слой, обнажив бутылочный линзовый лед предельной плотности. На третьем обороте раздался омерзительный металлический визг — дюралевая коронка бура со скрежетом смялась, не углубившись и на пять сантиметров. Дешевая штамповка, закупленная курортом по тендеру.

— Спокойно, Северова, — сказала я себе, слыша, как дрожит голос в шерсти балаклавы. — Без паники.

Зажав трубку бура между коленями, я вытащила из нагрудного кармана запасную победитовую фрезу с алмазным напылением. Окоченевшими пальцами открыла контргайку, сменила головку и затянула ее шестигранником до упора. Новый заход — и бур пошел в лед как в твердое масло, выплевывая белую стружку. Вешка села на сорок сантиметров. Зеленый светодиод телеметрии мигнул трижды, подтверждая устойчивый контакт с планшетом. Первая точка принята, но солнце уже подбиралось к верхним карнизам.

Я вернулась к снегоходу и повернула ключ зажигания. Двигатель отозвался натужным кашлем. Включила передачу, чтобы проехать сто метров к границе сброса, но вариатор отозвался глухим рывком. Гусеница провернулась вхолостую. Правый борт машины внезапно осел, лыжа задралась вверх, беспомощно повиснув в воздухе.

Холодная струйка пота сбежала по спине. Я заглушила мотор, сползла на левую подножку и достала полутораметровый лавинный щуп. Опустившись на колени, вонзила стержень в снег под правым краем гусеницы. Щуп ушел в пустоту на всю длину без малейшего сопротивления.

Под двухдневным ветровым надувом скрывался не сплошной ледник, а сеть слепых трещин. Оттепель прошлой недели истончила снежные мосты, превратив плато в капкан.

Нужно было выкатить снегоход назад, не нагружая просевший борт. Я встала на левую подножку, перенесла вес тела наружу и осторожно прибавила газ. Вариатор натянулся, гусеница зацепила наст...

Раздался сухой треск, похожий на артиллерийский выстрел.

Снежный мост шириной в три метра лопнул. Белая плита рухнула вниз, открывая черную пасть трещины. Я едва успела оттолкнуться и выбросить тело влево, впечатавшись грудью в жесткий заструг.

Снегоход перекосило под сорок пять градусов: фаркоп и задняя балка намертво заклинились между ледяными челюстями разлома на глубине двух метров. Я осталась одна на высоте трех тысяч метров, отрезанная от спуска.

Дрожащими руками я сорвала с плеча рацию:

— База, я Северова! Чрезвычайная ситуация в «Северном цирке». Снегоход заклинен в ледовой трещине на отметке три тысячи двести. Нужна эвакуация!

В динамике шипел лишь мертвый белый шум. Скальная гряда «Чертов зуб» экранировала волны, а ретранслятор на перевале Греков отключил утром под предлогом техобслуживания.

И в этот миг полевой планшет на груди взорвался пронзительным воем аварийного зуммера.

Красная шкала сейсмографа забилась в конвульсиях на частоте восемь герц. Мощнейший гармонический всплеск в верхнем секторе. Я вскинула дальномер к глазам, наведя оптику на предвершинный гребень в три с половиной тысячи метров.

Снежный карниз толщиной в два этажа, нависавший над кулуаром, треснул по всей длине. График давления пушки номер четыре застыл на нулевой отметке. В ущелье стояла зловещая глухая тишина — детонационной волны не последовало. Перегруженная снежная доска рухнула под собственным весом — подточенная солнцем и сдвинутая ветровым надувом.

Сотни тысяч тонн слежавшегося пласта тронулись с места.

— Нет... только не лыжи! — крикнула я, бросаясь к повисшему снегоходу.

Кейс с прототипом «Север-1» был намертво притянут к багажнику стропами. Карабины обледенели в монолит. Я рвала их пальцами, сдирая кожу сквозь перчатки — металл не поддавался. Сверху нарастал утробный рокот, переходящий в инфразвук, от которого дрожали скалы под ногами.

Выхватив стропорез, я одним движением перепилила кевларовые ленты. Рванула чехол на себя и закинула лямки на плечи. Двадцать килограммов оборудования вдавили меня в наст.

Снежный горизонт рухнул. Белая стена шириной в триста метров неслась вниз со скоростью курьерского поезда, вздымая перед собой гигантский клубящийся вал воздушной волны. Бежать по открытому плато было бессмысленно — вынос накрыл бы меня за двадцать секунд.

Единственным шансом оставался гранитный зубец скалы «Чертов зуб» в пятидесяти метрах правее, у подножия которого чернела узкая вертикальная расщелина.

Я побежала. Каждый шаг по насту отдавался вспышкой тяжести в легких. Мороз выжигал бронхи, а за спиной нарастал рев обрушивающегося неба.

* * *

Я добежала до подножия скалы, когда воздушная волна лавины ударила мне в спину. Плотный воздушный молот сорвал капюшон, швырнул в лицо колючую ледяную крупу и сбил с ног. Я упала на четвереньки, судорожно впиваясь пальцами в гранит. Ниша была мелкой — едва глубже полутора метров, перегороденная на входе оторвавшейся плитой с нависшим ледяным козырьком.

И в этот миг сквозь снежную круговерть на верхнем скальном сбросе я увидела его.

Одиночный лыжник в черном комбинезоне с багровыми штрихами на рукавах вылетел с восьмиметрового обрыва на такой скорости, словно за ним гналась лавина преисподней. Приземлившись на узкую ледяную полку, он не стал уходить на безопасный западный гребень.

Он заметил меня — оранжевое пятно у каменной расщелины прямо по центру линии удара.

Вместо спасительного поворота он круто переложил корпус, вонзил канты в лед и бросил себя вниз по линии падения воды — наперерез ревущему снежному валу, навстречу лавине.

— Назад! — закричала я, но крик разорвало грохотом.

Он летел со скоростью под сотню километров в час, распластавшись над лыжами в агрессивной стойке. Снежная пыль лавины уже лизала его задники. За доли секунды до столкновения он резко заложил боковой сброс лыж, взметнув трехметровый веер ледяной крошки.

Его левая рука — тяжелая, закованная в жесткую кевларовую крагу — стальным захватом сомкнулась на моей талии.

Меня выдернуло из снега с такой силой, что перехватило дыхание. Не останавливаясь, используя инерцию полета, он увлек меня в узкую горловину расщелины.

Перед входом висел намерзший ледяной козырек с тонкой, подтаявшей кромкой. Затормозить было невозможно. Не выпуская меня, незнакомец развернул корпус и со всего маха протаранил ледяной нарост правым плечом.

Раздался сухой, страшный хруст сустава. Лед взорвался осколками, и мы кубарем влетели в узкое каменное чрево ниши.

Лавина уже настигала. Белые щупальца ударили в проем, забивая щели мокрым пресованным снегом. Задники длинных лыж незнакомца застряли в створе. Я увидела, как он без колебаний ударил носком тяжелого ботинка по рычагам креплений. Раздался щелчок — и дорожные цеховые лыжи мгновенно сорвало и унесло в ревущую пропасть.

Путь к отступлению был отрезан.

Ниша оказалась крошечной — глухой каменный тупик. Лавина обрушилась на скалу с такой мощностью, что гранит зазвенел, как колокол. Тонны снега ринулись в проем, стремясь раздавить нас заживо.

Незнакомец не стал прятаться. Он вжал меня спиной в гранит, расставил ноги и уперся ладонями в своды над моей головой.

Он накрыл меня собой целиком.

Его широкая спина стала моим щитом от макушки до колен. Я оказалась в кольце его рук, прижатая к его груди так плотно, что сквозь слои мембраны и термобелья чувствовала бешеный ритм его сердца. Он пах морозным озоном, оружейным воском и раскаленным мужским потом.

Тяжелая ледяная глыба, летящая в лавинном потоке, со страшным ударом врезалась ему прямо между лопаток.

Он издал низкий, глухой рык сквозь зубы. Мышцы его спины под моими ладонями натянулись как стальные канаты. Я чувствовала, как дрожит каждая жила в его теле, удерживая сокрушительный напор лавины. Но он не согнулся. Не отступил ни на миллиметр.

Опустив лицо ко мне, он посмотрел прямо в мои глаза. Его горячее дыхание обожгло мои замерзшие губы, перекрывая рев ада:

— Держись за меня, — выдохнул он хрипло. — Гора нас не заберет. Слышишь? Не заберет!

Я вцепилась пальцами в ремни его разгрузки, пряча лицо на его шее. За его спиной рушился склон. Снежная масса давила, заполняя вход, отсекая свет и воздух.

Затем наступила тьма. Глухая, абсолютная тишина.

Грохот лавины снаружи перешел в удаляющийся шелест и затих. Ниша была наглухо запечатана снежной пробкой.

Сердце колотилось в висках. Я слышала только прерывистое дыхание мужчины над собой.

— Эй... ты жив? — прошептала я.

Он медленно оперся о каменный свод и осел на дно ниши, вытягивая ноги. Правая рука его бессильно повисла вдоль туловища. Я нащупала на шлеме кнопку налобного фонаря.

Белый луч рассек ледяную тьму.

Он шурился от света. Кровь из рассеченной брови запеклась на виске черной коркой, на щетине искрился иней. Но взгляд оставался абсолютно спокойным и цепким.

— Бывало и хуже, — криво усмехнулся он, но тут же поморщился: при малейшем движении плеча лицо исказила вспышка боли.

Я опустилась перед ним на колени, осторожно коснулась пальцами сустава:

— Вывих?

— Козырек плечом сносить не стоило, — хрипло отозвался он. — Связки порвал или ключицу выбил.

— Я Василиса, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. Голос больше не дрожал. — Инженер-испытатель «Белого пика». Ты спас мне жизнь.

Он посмотрел на меня долго, словно заново оценивая девушку, деловито ощупывающую его травму.

— Денис, — ответил он, и в глубине глаз мелькнуло тепло. — Беркутов. Будем считать, познакомились, Василиса.

Глава 2

Воздух в каменном кармане остывал на глазах. Мое дыхание вырывалось густыми клубами пара, оседая на камне изморозью. Термометр на часах показывал минус двенадцать, и стрелка ползла вниз. Кислород в закупоренной нише таял с каждой минутой.

Денис сидел, привалившись здоровым плечом к холодной стене. Его зубы были сжаты, на бледном лбу блестели капли пота от непроходящей боли.

— Сколько у нас времени? — спросил он, кивнув на заваленный проем.

— Если не пробьем вентиляцию — часа два, — ответила я, подтягивая к себе чехол с лыжами. — Но сначала я должна понять, что произошло на горе.

Замок кофра с телеметрией забило ледяной крошкой, превратившейся в стекло. Я попыталась скосовать ногтем — пластик жалобно скрипнул.

— Не ломай, — Денис здоровой левой рукой выудил из кармана складной нож с титановым лезвием. — Держи. Работай аккуратно.

Тонкое лезвие срезало лед с пазов защелки. Крышка кейса откинулась. Внутри лежал плоский корпус полевого планшета и блок датчиков. Я нажала клавишу питания.

Экран моргнул багровым светом и выдал предупреждение: *«Заряд батареи 4%. Температура элемента -11°C. Отключение через пять минут».*

— Проклятье! Аккумулятор замерз!

Если батарея сядет сейчас, массив сейсмограммы сотрется из оперативной памяти до синхронизации. Все доказательства погибнут.

Я не колебалась. Расстегнув молнию комбинезона, распахнула куртку, сдвинула ворот шерстяного термобелья и засунула ледяной металлический корпус планшета прямо под грудь, прижав к голой коже.

Холод был такой дикий, что перехватило дыхание. Тело пронзила судорога, из глаз брызнули слезы. Металл словно выжигал клеймо на ребрах. Я зажмурилась, втягивая воздух сквозь зубы.

Денис замер. В полумраке его глаза расширились:

— Ты сумасшедшая, Василиса, — глухо выдохнул он. В голосе не было насмешки — только ошеломление.

— Я инженер, — прошептала я, стуча зубами. — Там данные. Без них нам никто не поверит.

Через три минуты тепло моего тела сделало свое дело. Индикатор мигнул зеленым: температура поднялась до плюс четырех, заряд восстановился до двенадцати процентов.

Я вытащила планшет, пальцы забегали по стеклу.

— Сначала проверим толщину завала, — сказала я.

В торец лыжи «Север-1» был встроен пьезоизлучатель для сканирования снега. Переведя его в резонансный режим, я прижала датчик к металлическому черенку лавинной лопатки, вонзенной в снежную пробку.

По камню пробежала неслышная вибрация. На экране нарисовалась эхолокационная дуга.

— Смотри, Денис! Толщина пробки у входа — всего шестьдесят сантиметров! Основной вал лавины прошел по центру кулуара и ушел вниз. Нас только зацепило краем. Мы сможем откопаться!

— Это хорошо, — Денис попытался улыбнуться, но его взгляд зацепился за строчки системного лога. — А что это за всплеск перед сходом?

Я ввела инженерный мастер-пароль доступа к закрытому сектору телеметрии курорта. Программа расшифровала сейсмический протокол. На экране развернулся график: ровная зеленая линия магистрали системы «Газэкс-4». В шесть утра автоматика зафиксировала импульс поджига.

Но давление газа осталось на нуле.

— Что это значит? — голос Дениса стал жестким, как натянутый трос.

— Пушка номер четыре была пустой, — я подняла на него глаза. — Выстрела не было. Греков сэкономил на заправке пропана. Они отчитались о профилактическом спуске лавин, подписали акты, а склон оставили взведенной бомбой. На нижнем траверсе через два часа начнутся занятия детской спортшколы. Эта лавина могла накрыть детей!

Денис медленно сжал левый кулак. Челюсти сжались так, что заходили желваки.

— Греков... — выдохнул он ледяным шепотом. — Год назад из-за его экономии на оборудовании погиб мой напарник Олег. Теперь он чуть не похоронил тебя.

Он посмотрел на меня с яростной решимостью:

— Мы выберемся отсюда, Василиса. И растопчем эту тварь. Твоими цифрами и моими руками.

— Сначала подадим сигнал, — я достала из паза лыжи гибкий стержень антенны «Коспас-Сарсат».

Денис приподнял лопатку, освобождая зазор в снегу. Я вытолкнула штырь наружу, в открытое небо.

Щелчок тумблера — и на панели замигал синий диод. Сигнал SOS с точными координатами расщелины «Чертов зуб» ушел на спутник МЧС.

Денис стащил со своей шеи шерстяной бафф, пахнущий морозным ветром и табаком, и здоровой рукой бережно натянул его мне на шею, прикрывая расстегнутый ворот:

— Береги себя, инженер. Ты нам еще понадобишься на суде.

Мои щеки вспыхнули — и вовсе не от мороза.

* * *

Копать лавинной лопаткой в тесной нише было тяжело, но адреналин выжигал усталость. Я зафиксировала лезвие под углом сорок пять градусов и принялась методично вырубать плотный, спрессованный фирн. Снег снаружи схватился коркой, звенящей как гипс, но с каждым ударом пласты отваливались тяжелыми кирпичами.

Через двадцать минут лопатка с хрустом пробила пустоту.

В темную нишу ворвался сноп ослепительного солнца. Свежий морозный воздух хлынул в легкие.

— Выход готов, — выдохнула я, утирая рукавом пот со лба. — Денис, давай руку.

Я помогла ему подняться. Пригнувшись, он протиснулся в пробитый лаз и выбрался на поверхность. Я вытолкнула кейс с лыжами и выбралась следом.

Мы стояли на вершине гигантского лавинного конуса.

Вся нижняя часть кулуара превратилась в нагромождение ледяных торосов и острой гранитной морены. Наш снегоход бесследно исчез под толщей снега. До границы маркированной трассы оставалось около трех километров по изрезанному трещинами склону.

— Идти сможешь? — я с тревогой взглянула на Дениса.

— Дойду, — коротко бросил он, но при первом же шаге по курумнику его ботинок соскользнул на обледенелом валуне.

Резкое движение отозвалось вспышкой боли в плече. Денис качнулся, теряя равновесие над каменистым сбросом.

Я среагировала мгновенно.

Поднырнув под его левую руку, я подставила плечо под его подмышку и обхватила его за поясницу. Его тяжелый вес обрушился на меня. Колени подогнулись, но я уперлась рифлеными подошвами ботинок в гранит и выпрямилась.

— Держу! Опирайся на меня!

Он тяжело дышал мне в макушку, бережно дозируя давление здоровой рукой:

— Василиса... брось меня. Иди к спасателям одна.

— Заткнись, Беркутов, — зло бросила я, делая шаг вперед. — Ты закрыл меня от лавины собой. А теперь я дотащу тебя до базы, даже если придется тащить волоком. Понял?

Он издал короткий смешок, в котором сквозило неподдельное восхищение:

— Понял. Больше не спорю, командир.

Мы двигались медленно, шаг за шагом преодолевая ледяные заступы. Я чувствовала каждый удар его пульса, поддерживая его на каждом скользком уступе.

Через километр путь преградила свежая трещина — темный провал шириной около метра, по краям которого нависал ненадежный карниз. Обойти ее по курумнику с поврежденной рукой Денис бы не смог.

— Стой здесь, — скомандовала я, сбрасывая чехол с лыжами «Север-1».

— Василиса, что ты задумала?

— Проверим мои расчеты на практике.

Я расстегнула чехол и достала пару опытных лыж. Карбоновая крышка с титаноловой прослойкой тускло блеснула на солнце. Я положила обе лыжи параллельно поперек трещины, превратив их в мостик на острых камнях.

— Они не выдержат мой вес, — предостерег Денис.

— Мой титанал держит точечную нагрузку до шестисот килограммов на изгиб, — отрезала я. — Сначала я.

Я легко перешагнула по лыжам на противоположный край. Композит едва заметно спружинил, даже не скрипнув. Еще на ближнем краю я пристегнула спасательную стропу к поясу Дениса. Теперь закрепила свой конец за гранитный зубец и крикнула:

— Денис, только по центру! Плавный шаг!

Денис ступил на лыжи. Но в тот момент, когда его вес перенесся на середину, ближний край трещины с сухим грохотом обломился. Ледяная глыба ухнула в темноту.

Денис потерял опору под толчковой ногой и начал соскальзывать в разлом.

Я упала на колени прямо на острые камни, натянула стропу обеими руками и с криком рванула его на себя. Стропа врезалась в ладони до крови, мышцы спины запекло огнем, но я удержала его. Денис уперся ногой в кант лыжи, сделал рывок и вывалился на гранит рядом со мной.

Мы лежали на снегу в полуметре от бездны, жадно глотая воздух.

— Твои лыжи... чертовски хороши, Василиса, — прохрипел он, глядя на меня с такой нежностью, что перехватило дыхание.

— Я знаю, — выдохнула я, с трудом сдерживая слезы облегчения.

Переход растянулся на несколько часов: мы искали обходы и подолгу отдыхали за валунами. Солнце скрылось за зубчатым гребнем. Мороз усилился до минус двадцати пяти. Денис начал колотить озноб; лицо стало совсем бледным.

Я укутала его торс серебристым термоодеялом из аптечки, прижала к его губам термос с остатками имбирного взвара:

— Пей. Все до капли.

Он пил горячую жидкость, глядя на меня поверх кружки. В долине внизу было пусто. Где спасатели? Неужели Греков уже списал нас со счетов?

И вдруг тишину ущелья разорвал низкий рокот турбодизеля.

С нижнего перевала, вздымая снежные буруны, на предельной скорости вылетел ярко-оранжевый спасательный ратрак МЧС с проблесковыми маяками. Машина шла прямо на координаты нашего аварийного маяка.

— Нашли... — прошептала я, опуская голову на плечо Дениса.

Ратрак затормозил в десяти метрах, обдав нас волной горячего выхлопа. Из кабины в снег спрыгнул коренастый старик в выцветшей штормовке — Семён Трофимович, легендарный наставник базы.

Его обветренное лицо потемнело при виде повисшей руки Дениса и разрезанных строп на моем комбинезоне.

— Живые, черти... — пробасил Трофимыч, подбегая и подхватывая Дениса. — А Греков внизу уже протокол накатал, что вы самовольно в лавинный очаг сунулись и шеи свернули. На базе его чоповцы сидят, ждут.

— Пушка номер четыре была пустой, Трофимыч, — твердо сказала я, поднимаясь и сжимая кейс с приборами. — Лавину спровоцировал отказ оборудования. В черном ящике поминутная телеметрия саботажа. Денис закрыл меня собой от удара.

Денис тяжело оперся на плечо старого спасателя и посмотрел на вечерние огни поляны:

— К Грекову на базу нам нельзя, батя. Он сотрет серверы, если узнает, что мы выжили. Вези нас в свою старую мастерскую на два двести. Переждем ночь там, залатаем меня и подготовим ответный удар.

Трофимыч молча кивнул, и в его глазах блеснула суровая усмешка:

— В мастерскую так в мастерскую. Печь протоплена, тиски свободны. Фельдшера туда вызову, а с врачом договорюсь без твоего Грекова. По коням, дети. Сегодня гора осталась за нами.

Он помог нам подняться в теплую кабину ратрака.

Денис сел рядом со мной на узкое сиденье. Его здоровая рука нашла мою замерзшую ладонь и крепко сжала ее, переплетая свои пальцы с моими. Тепло его тела согревало меня лучше любого огня. Впереди была долгая война за правду, но прямо сейчас, глядя на темнеющие громады пиков за стеклом, я знала: я больше не одна на этой ледяной высоте.

Глава 3

Тяжелая дверь мастерской Трофимыча захлопнулась, отсекая бешеный вой высокогорного ветра. В нос ударил густой, спасительный дух смолы, нагретого железа, лыжной мази и сушеного чабреца. После ледяного ада расщелины тишина бревенчатого сруба казалась плотной, почти осязаемой.

Денис шагнул к чугунной буржуйке в центре комнаты. Его правая рука висела вдоль тела неестественно прямо. Он попытался здоровой левой рукой подхватить березовое полено из дровницы, чтобы бросить в топку, но корпус повело: он судорожно втянул сквозь зубы морозный воздух, побелел до синевы под глазами, и полено с глухим стуком покатилося по дощатому полу.

— Стоять, — я решительно перехватила полено, отеснив его бедром. — Сядь к огню. Немедленно. Ты вытащил меня из лавины, Денис. А теперь будешь делать то, что я скажу.

Он ошеломленно моргнул, но подчинился и опустился на широкую сосновую лавку.

Я подбросила бересту и сухую лучину на тлеющие угли. Пламя жадно загудело в чугунном брюхе, и первое живое тепло пахнуло в лицо, отчего онемевшие щеки закололо иголками.

— Куртку долой, — я подошла к нему вплотную.

Мембранную штормовку мы сняли вдвоем, но компрессионное термобелье намертво приросло к ссадинам на плече. Любая попытка стянуть эластичную ткань через голову грозила смещением сустава. Я метнулась к настенной аптечке, достала изогнутые медицинские ножницы с круглыми концами и решительно распорол шов от манжеты до шеи.

В отблесках огня открылась страшная картина. От лопатки через дельтовидную мышцу разливался багровый кровоподтек. Плечо распухло; по одному виду я не могла понять, насколько серьезно оно повреждено. Удар ледяной глыбы в расщелине достался ему, пока он закрывал меня.

Мое сердце сжалось:

— Ты с ума сошел, Беркутов. С такой рукой надо к врачу, а не на контруклоны.

— Если я не выйду завтра на склон, Греков похоронит твой проект и отдаст трассу австрийцам, — хрипло отозвался он. — Мне нужна эта рука, Василиса. Хоть на четыре спуска.

— Тогда сейчас перестань ей двигать.

Я осторожно помогла ему устроить руку на перевязи и села рядом, удерживая его здоровую ладонь в своих. Денис смотрел на меня снизу вверх не отрываясь. В дверь уже стучал вызванный Трофимычем фельдшер.

Следующий час мы провели в медпункте спасательной базы, куда старик отвез нас служебной машиной через задний двор. Врач осмотрел Дениса, проверил снимки и только тогда разрешил нам выдохнуть: обошлось без перелома и вывиха. Сильный ушиб, болезненное движение, обязательный повторный осмотр утром. Решение о допуске к старту оставалось за спортивным врачом.

Вернувшись, Денис сел у печи. Теперь он двигался осторожнее, без прежней бравады. Я помогла ему поправить сухую одежду и наклонилась к самому уху:

— Никаких подвигов этой рукой до утра. Доверься мне.

Он неожиданно перехватил мое запястье своей широкой, шершавой и горячей ладонью:

— У тебя руки волшебницы, Василиса.

— А у тебя характер противотанковой мины, — ответила я. — Не вынуждай меня обезвреживать тебя лично.

Он тихо рассмеялся — впервые без боли на лице.

Я попыталась шагнуть назад, но колени предательски задрожали от отката шока. Денис тут же поднялся, снял с крючка свою сухую фланелевую рубашку в красно-черную клетку — пахнущую кедром, порохом и ветром — и бережно укутал мои плечи. Рукава скрыли кончики пальцев. Затем протянул жестяную кружку:

— Пей. Шиповник и чабрец. Ты спасла нас обоих, теперь грейся.

Я сделала глоток обжигающего, терпкого взвара, и в его огромной рубашке у живого огня впервые за долгое время ощутила абсолютный покой и защиту.

* * *

Отдых длился недолго. Я перебралась к массивному дубовому верстаку, достала из ударопрочного кейса магниевый ноутбук «Panasonic Toughbook» и подключила бронированный кабель к черному цилиндру телеметрического модуля. Я извлекла его из поврежденного приборного гнезда в носке лыжи: несущая пластина пережила удар, а защитный корпус регистратора треснул.

Экран вспыхнул алой строкой аварийной блокировки: «Ошибка ввода-вывода. Нулевой сектор поврежден. Накопитель заблокирован».

— Файловая таблица слетела от конденсата, — пояснила я Денису, который сел рядом, оперевшись здоровым локтем о край стола. — Контроллер ушел в защиту.

Я включила паяльную станцию Трофимыча, выставила термофен на сорок два градуса и направила узкую струю теплого воздуха на керамику чипа памяти, одновременно запуская прямое посекторное чтение в обход поврежденной файловой таблицы.

Керамика прогрелась, влага ушла, и зеленый светодиод на модуле замигал частыми импульсами.

— Пошел дамп!

Система запросила сертификат безопасности НИИ. Я сняла с шеи шнурок с титановым токен-ключом, висевшим рядом с крестиком, вставила в порт и ввела пароль главного конструктора.

На мониторе развернулся каскад осциллограмм: графики давления, ускорения и акустики за последние двенадцать часов. Я приблизила интервал с 05:50 до 06:10 утра — регламентное окно противолавинной обработки Северного цирка.

На официальном сайте курорта висел утренний пресс-релиз: «Все секторы обработаны штатно в 06:00, склоны безопасны».

Я открыла лог пушки №4, нависавшей над моим кулуаром.

— Смотри сюда, — мой голос зазвенел. — В 06:00:12 подан электрический импульс поджига на двенадцать вольт. А теперь график давления в камере сгорания: абсолютный ноль. Идеальная горизонталь. Пьезоэлемент шелкнул в абсолютно пустой трубе! Баллоны на рампе были пусты. Газ вообще не подавался!

— Они симитировали залп... — прохрипел Денис, и на его скулах вздулись желваки. — Греков списал бюджет на заправку газовых рамп, а заряды не закупил!

— Нам нужен журнал смены, иначе он спишет это на сбой датчика.

— Попробуй пароль спасотряда, — Денис продиктовал кодовую фразу: «Север-двадцать два-дельта».

Шлюз базы шелкнул, и открылась ведомость дежурного лавинщика. В нижней строке значилось:

«06:05. Сектор 4 обработан двумя залпами. Карниз обрушен. Склон открыт для катания. Личная ЭЦП: Коммерческий директор ГК "Белый пик" Греков А.В.»

Подпись Грекова стояла под ложным отчетом. Если он знал о пустых баллонах, то хладнокровно отправил меня на перегруженный склон. Теперь требовалось доказать и это.

Денис с яростным рыком вскочил, сгреб стальной ключ и с размаху вогнал его в бревенчатую стену:

— Убийцы! Мой напарник год назад погиб здесь... Теперь они едва не похоронили тебя! Я пойду и сверну Грекову шею прямо в его кабинете!

Я поднялась и решительно прижала ладонь к его тяжело вздымающейся груди:

— Стой. Если ты пойдешь сейчас, ЧОП Игнатова скрутит тебя, аппаратуру уничтожат, а тебя выкинут с соревнований. Мы разобьем их фактами. С этой записью Греков сядет на десять лет. Но сначала ты должен выйти на старт и победить его австрийцев на глазах у всей страны.

Бешеный огонь в его глазах сменился холодной, беспощадной решимостью:

— Ты права. Сначала склон.

Я скопировала зашифрованные дампы на три промышленных micro-SD карты. Первую спрятала под войлочную стельку своего правого ботинка, вторую отдала Денису во внутренний карман комбинезона, а третью мы опустили в полую рукоять его запасной лыжной палки, запечатав герметиком. Еще один комплект палок нашелся у Трофимыча. По защищенной связи спасателей я отправила копию и заявление в дежурную часть; подтверждение приема сохранила рядом с дампом.

Тут ноутбук коротко пискнул, выдав системное оповещение:

«Учетная запись сотрудника Северовой В.А. аннулирована. Доступ к инфраструктуре курорта заблокирован».

Я захлопнула бронированную крышку:

— Они думают, что выставили нас вон. Но гора уже не принадлежит им. Пошли за металлом.

* * *

Прототип «Север-1» выдержал лавину, но удар о ледяной торос в расщелине оставил микропрогиб в три десятых миллиметра на левой демпферной пластине. На скорости за сотню километров в час это сулило срыв канта на обледенелом вираже. Поврежденную прослойку требовалось заменить. Мне нужен был упругий авиационный сплав: прочный на морозе и достаточно тонкий, чтобы сохранить расчетную геометрию.

Денис повел меня через сугробы к полузанесенному металлическому боксу МЧС. За дверь пахло керосином, ЦИАТИМом и мерзлым железом.

Дежурный кладовщик дядя Миша поначалу нахмурился, требуя накладную, но появившийся Трофимыч отрезал:

— Миша, брось. Ребята сегодня чудом выжили под Грековской лавиной, а завтра Денис идет против австрийских наемников. Открой дальний бокс.

Кладовщик молча снял амбарный замок с решетчатой двери:

— Греков бы меня выгнал. Но Дениску я с пацанов помню. Заходите.

Мы оказались среди штабелей узлов вертолетов Ми-8Т. Я достала чертилку и начала проверять образцы. Дюраль Д16Т оказался слишком мягким — накопит усталость и лопнет

на трамплине. Кожух редуктора толщиной в два миллиметра сделал бы лыжу неповоротливым рельсом.

В дальнем углу покоился списанный комплект несущих лопастей. Я смахнула ветошью консервационную пыль с передней кромки, зачистила наждаком и замерла: под грязью блеснул матовый пепельно-серый металл с радужным отливом вакуумной закалки.

— Титановый сплав ВТ-20! — выдохнула я, сверив маркировку с биркой детали. — Толщина ровно ноль восемь! Это не заводской титанал, а авиационный титан. Под такую пластину у меня есть расчеты. С полимерным демпфером она будет гасить микроудары льда!

Мы перетащили полосу к ручным гильотинным ножницам. Я разметила две полосы длиной метр восемьдесят пять и шириной шестьдесят два миллиметра.

— Лезвие старое, зажует вязкий титан, — предупредил дядя Миша.

— Не зажует, — Денис встал к двухметровому рычагу.

Выставив вперед здоровую ногу и преодолевая боль в ушибленном плече, он навалился на рычаг всем весом своего мощного тела. Ножницы с победным стальным скрежетом рассекли титан. Лязгнул металл, и через пять минут на верстаке лежали две безупречные пластины.

Я полила кромки мыльной эмульсией, а Денис бархатным напильником вручную снял малейшие заусенцы.

Вернувшись в мастерскую, Денис здоровой рукой прижал пластину к испытательному упору, а я плавно довела прогиб до расчетного предела. Затем мы сняли нагрузку.

Пластина распрямилась с чистым колокольным звоном, мгновенно замерев в идеальной плоскости без остаточной деформации.

— Потрясающе, — выдохнул Денис. — Это не лыжи, Василиса. Это боевые клинки.

* * *

Верстак превратился в операционный стол. Прототип «Север-1» был намертво зажат в чугунных тисках.

— Смотри, Денис, — я показала ему чертеж на планшете. — Твои старые лыжи имели радиус двадцать три метра. На скорости они держали курс, но в контруклонах тебе приходилось ломать дугу силой мышц. Мы закладываем адаптивную геометрию: в покое радиус девятнадцать метров — лыжа легко входит в поворот. Но при перегрузке в четыре «G» пластина ВТ-20 пружинно распрямляет носок, увеличивая радиус ровно до двадцати трех метров на апексе дуги. Лыжа думает вместе с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.